
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Бригадир монтажников П. С. Пугачев.

— Теперь я Чередниченко.

Тещи и свекрови.

По улице идет счастье.

Первое семейное торжество.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Исполнилось сто лет со дня основания Первого Интернационала. Этой дате было посвящено торжественное собрание, состоявшееся 28 сентября в Большом театре СССР. Среди присутствующих были руководители партии и правительства, старейшие коммунисты, представители братских коммунистических партий.

Собрание открыл Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев. В своей речи он сказал:

«Отмечая столетие Первого Интернационала, мы, советские коммунисты, призываем все братские партии, все революционные силы теснее сомкнуть ряды, преодолеть все трудности, сплотиться под знаменем марксизма-ленинизма во имя торжества дела рабочего класса, в интересах абсолютного большинства человечества».

С докладом «Пролетарский интернационализм — революционное знамя нашей эпохи» выступил секретарь ЦК КПСС товарищ Б. Н. Пономарев.

На снимке: В президиуме торжественного собрания, посвященного 100-летию Первого Интернационала.

Фото А. Ляпина и А. Пахомова.

29 сентября в Советский Союз с дружеским визитом прибыл Президент и Премьер-Министр Республики Индонезии доктор Сукарно.

Москва тепло встретила гостя из Индонезии.

Доктор Сукарно нанес в Кремле визиты Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну.

Фото А. Гостева.

Леонид СТЕПАНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

БУДУЩЕЕ ГЕРМАН

Красивы и нарядны в эти дни города и села демократической Германии. Страна в самом расцвете юных сил празднует свое пятнадцатилетие. Словно на небывалый парад выстроились новые заводы-гиганты, университеты, Дворцы культуры, разноцветные кварталы новых жилых домов. Улица Владимира Ленина, улица Эрнста Тельмана, улица Вильгельма Пика...

И самая праздничная, самая торжественная атмосфера сегодня, конечно, на главной улице республики — на проспекте Карла Маркса. Эта красивейшая улица Берлина протянулась почти на пять километров — прямая, как стрела, широкая, как площадь, молодая, как само немецкое государство. Карл-Маркс-аллее — первая социалистическая улица ГДР, в строительстве которой принимали участие два миллиона добровольцев со всех концов страны. Отсюда началось обновление столицы, потом всей страны. Новая история Германии делала по этой улице свои первые шаги.

Поэтому совершенно закономерно, что именно здесь, на Карл-Маркс-аллее, открыта сегодня выставка, которая сразу, как широко распахнутое окно, дает увидеть все грандиозные достижения ГДР за 15 лет.

Трудно сказать, что производит на выставке самое большое впечатление. Может быть, цифры и диаграммы, свидетельствующие о гигантском развитии промышленности: ГДР почти на пустом месте создала за 15 лет свою металлургическую базу, рывком двинула вперед машиностроение, электротехнику, химию, короче говоря, вошла в первый десяток индустриальных стран мира.

Может быть, это макеты возрожденных и обновленных городов: восставший из руин древний Дрезден, реконструированный портовый Росток, Нейбранденбург и многие другие.

Может быть, на некоторых посетителей выставки производят самое сильное впечатление груды сельскохозяйственной продукции. Ведь совсем недавно страна переживала известные трудности, связанные с переходом деревни к коллективному хозяйству. Теперь эти трудности позади, и ЛПГ (сельские кооперации) быстро набирают силу.

Может быть, наконец, посетителя выставки радуют больше всего успехи ГДР в развитии национальной культуры: тридцать новых университетов и институтов, миллионные тиражи книг, 7 тысяч кружков художественной самодеятельности, которые, словно гигантская сеть, заботливо «вылавливают» молодые таланты.

А может быть,— на мой взгляд, это именно так — самое большое впечатление производят люди. Люди, каких не знала и не могла знать прежняя Германия. За послевоенные годы в стране выросло совершенно новое поколение людей. Целиком оправдались слова, записанные в программе СЕПГ: **строя социализм, трудящиеся ГДР не только перестраивают материальные и культурные условия своей жизни, но и самих себя...**

«Один из многих тысяч» — так написано на выставке над портретом рядового рабочего, который за годы республики вырос в руководителя крупного предприятия. Другой портрет: вчерашний мелкий собственник, хозяин небольшой лавочки, овладел одной из сложнейших технических профессий и стал изобретателем. Деревенская девушка пришла на завод с начальным образованием, училась по вечерам, теперь в ее послужном списке десяток рационализаторских предложений, принесших стране миллионную экономию. Вернер Гаркиш в 1949 году был пионером. На фотоснимке он символически поджигает первую домну металлургического завода. Теперь Вернер Гаркиш — ведущий инженер на этом заводе. Вырос завод за пятнадцать лет, вырос и Веркер Гаркиш. Но возможности для роста у них, конечно, далеко не исчерпаны.

Рационализаторы, изобретатели, лауреаты национальных премий, ученые, депутаты Народной палаты — вот оно, новое поколение немцев. Среди них есть и соратники Эрнста Тельмана и совсем молодые коммунисты, пожилые люди, познавшие горечь послевоенного плена, и вчерашние школьники, для которых слова «Москва», «Советский Союз» с раннего детства были синонимами самого дружеского и прекрасного.

Можно что-то не заметить на выставке, пройти мимо какого-то стенда, но нельзя не почувствовать одного:

Социалистическая Германия гордится своими гражданами.

Граждане ГДР гордятся своей социалистической родиной.

В этом один из самых важных, может быть, самый важный итог пятнадцати лет.

Выходя с выставки на оживленную Карл-Маркс-аллее, уже по-новому читаешь слова, написанные на красном полотнище:

«Германия — здесь!»

Вместе с друзьями из берлинского журнала «Вохен-пост» я проехал по дорогам республики несколько сот километров: от Лейпцига до острова Рюгена, от Потсдама, где было подписано соглашение о путях развития послевоенной Германии, до «города металлургов» Айзенхюттенштадта. Побывал в тех местах на Одере, где весной 1945 года закончила свой боевой путь наша дивизия и куда теперь совсем недавно по нефтепроводу «Дружба» пришла советская нефть...

Еще издалека над вершинами синих сосен мы увидели гигантский оранжевый факел. Это было как символ.

Там, где пять лет назад были только песок и сосны, в глухой малонаселенной провинции, около «табачного городка» Шведт, вырос химический гигант, огромный нефтеперерабатывающий комбинат, с фантастическими контурами труб, башен, печей и цистерн. Его подняли в небо молодые энтузиасты, приехавшие сюда со всех округов по призыву Родины. Первые партии строителей жили в палатках, ночевали в лес, преодолевая жару и холод, перебои с продовольствием и нехватку воды. Тогда эту ударную стройку в Шведте народ назвал «молодежной стройкой», «стройкой молодых энтузиастов».

Поэтому, увидев факел над лесом, нам сразу подумалось о пылающем сердце молодости.

...Наша машина приехала на комбинат Шведт, когда большая часть рабочих — нефтяников и строителей — была на обеде.

— Где тут у вас кантине?— спросил я, употребив немецкое слово, обычное для заводской столовой.

— У нас не кантине, а ресторан,— со спокойным достоинством ответил молодой парень в белом пластмассовом шлеме.

И действительно, то, что мы увидели, никак не походило на обыч-

---

ЛЕНИНА ИГРАЕТ ШТРАУХ

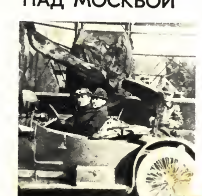
Польша. Лето 1914 года... Через несколько дней после начала первой мировой войны австрийские жандармы арестовали Ленина. Владимир Ильич находился в тюрьме в небольшом городке Новом Тарге... Этот эпизод и положен в основу фильма «Ленин в Польше», который снимают в Поронине советский режиссер Сергей Юткевич и польский оператор Ян Лясковский. В совместной постановке «Мосфильма» и польского творческого объединения «Студио» роль Владимира Ильича играет Максим Штраух.

Сценарий Е. Габриловича и С. Юткевича построен в форме монолога.

Фильм делается одновременно в шести языковых версиях: русской, польской, английской, французской, немецкой и испанской.

Ю. КОНОНЕНКО

ВОЗДУШНАЯ ЭКСКУРСИЯ В. ПИКА НАД МОСКВОЙ

В архиве «дедушки русской авиации» Б. И. Российского сохранилась интересная фотография, которая до сих пор не публиковалась. На ней запечатлен видный деятель немецкого и международного рабочего и коммунистического движения, первый президент ГДР Вильгельм Пик. История этого снимка такова.

Летом 1923 года, когда Вильгельм Пик был в Москве, он выразил желание пролететь на самолете над столицей. В небо поднялся старейший русский летчик Б. И. Российский. На борту его двухместного самолета находился В. Пик. Б. И. Российский сделал на высоте

НЕ ФЕЛЬЕТОН

Растлители

Концертный зал. На сцене — куры и шимпанзе в клетках. С потолка свешиваются на тонких нитях чаши с водой. В них рыбы. В углу — ванна с водой, но без всякой живности.

Есть на сцене и люди: молодая стройная женщина в вечернем туалете и мужчина, тоже в вечернем костюме. Они сидят перед квартетом: ударник, пианист, саксофон, виолончель.

Занавес поднят. Зал полон.

Щелкает рычажок магнитофона, и на слушателей обрушивается шквал оглушающих звуков, записанных на пленку: рев реактивных авиационных двигателей, уличный шум в часы «пик», радиопомехи. Одновременно четверо музыкантов начинают играть кто во что горазд.

Женщина в черном начинает медленно раздеваться. Мужчина с ног до головы опрыскивает себя из пульверизатора мыльной пеной. Затем плюхается в ванну.

Точно по режиссуре на сороковой минуте этого сумасшествия ударник оставляет свои барабаны и начинает кормить рыб, кур, шимпанзе.

За виолончелью сидит женщина. Режиссер учитывает, что у нее меньше сил, чем у мужчин, и дает ей 15-минутную передышку в этом шумовом марафоне. Единственная ее задача — делать в течение этих пятнадцати минут все, что взбредет в голову.

На 68-й минуте появляется главный художник спектакля и начинает швырять гвозди на железную плиту. За ним на сцену вылетает сам директор труппы со сворой собак. В финале представления актеры забрасывают зрителей рулонами туалетной бумаги и гнилыми яблоками.

У труппы есть и недоброжелатели. Они пикетируют входы в концертный зал. Пикетчики не только протестуют. Они зазывают зевак на свои собственные «представления». Тут же они горячо рекламируют свое искусство, объясняют его суть и доступность широким массам. На концертах их труппы зрители сидят в абсолютной темноте и вдыхают пары эфира, нагнетаемые в зал вентиляторами. Дешево и сердито!

Это не фельетон. Даже самой изощренной фантазии фельетониста не хватит, чтобы придумать такое.

Здесь только факты, моментальная фотография растлителей искусства.

Время действия — сентябрь 1964 года. Место действия — Нью-Йорк, Джадсон Холл, второй фестиваль авангардного искусства.

В. НИКОЛАЕВ

РЕПОРТАЖ С МЕСТА ГИБЕЛИ «ЗЕЛЕНОГО ДРУГА»

Дикари на лужайке

«Костры горят далеко.
Луна в реке купается...»

Все происходило именно так. И купалась в реке луна, и горели костры. Только нам было не до лирики. Огни полыхали по всему берегу Пяловского водохранилища. Это не были сигналы бедствия потерпевших крушение. Просто приехала развлекаться на бережок канала имени Москвы вполне приличная компания. Рыбку половить, у костра посидеть.

Но зачем жечь лес? Из костра торчит толстый березовый ствол...

— Мы не рубили! — слаженным хором заявляют трое. — Мы березу... того... нашли!

Интересуемся личностями любителей костра.

— Пожалуйста, — с достоинством произносит один из них, протягивая документ.

Читаем и... глазам своим не верим:

«Удостоверение № ... УООП Моссовета. Капитан милиции Белоусов Владимир Алексеевич».

Идем по берегу дальше. Красный огонек, мерцающий вдали, становится все ярче и ярче. Подходим к костру. Молодые люди, видимо, только что пропустившие чашу круговую, выводят песню. На земле свежесрубленные березки дожидаются своей очереди у костра. Всего каких-нибудь полчаса тому назад весело шумели они листвой, а теперь рухнули под топором приехавших дикарей.

Механик МВТУ комсомолец Валерий Овчинников старательно раздувает угли под молоденькой елкой. В такой позе он и остался, не желая поднять лицо перед объективом (фото 1). А вот его двум товарищам не повезло. Их задержали лесники Учинского лесопарклоза прямо с поличным, когда они, орудуя пилой и топорами, валили в двух десятках метров от своей «штаб-квартиры» многолетние деревья.

— Ну, рубил, ну и что такого? — возмущается комсомолец Александр Оловянников, ученик 10-го класса 102-й школы Москвы. — Подумаешь, три березы!..

— Неужели это такое преступление? — в раздумье бормочет Александр Андреев, тоже комсомолец.

Хмель у обоих прошел. Но осталась непоколебимая уверенность, что ничего предосудительного они не сделали. Ведь лес такой большой. Что значит для него потеря десятка деревьев?

А вот у соседней компании водочные пары бродят на всех градусах. Не мудрено: ведь, подходя к костру, мы первым делом натыкаемся на сложенные бутылки из-под «Горького дубняка» (фото 2). Поднимается худощавая фигура в шляпе, демонстративно сует в огонь нарубленные поленья и подходит «объясняться». Парень явно работает «под Запад», пытается ввернуть словечки, смысла которых, видимо, не понимает:

— Ваш приход нас шокирует... Стволы берез нашли здесь на поляне — слово джентльмена... Свежая порубка? Это блеф вашей фантазии!

Но «джентльмен» сам оказывается немалым фантазером, когда начинается выяснение его личности. Он путается, но в конце концов вынужден признать:

— Да, я Дегтев Николай Николаевич (фото 3). Экспедитор комбината «Красная Роза».

Дегтев еще раз соврал. На «Красной Розе» нам ответили, что такого нет. Может быть, читатели помогут установить, где же в действительности работает этот «джентльмен».

— Бревно сухое, сам плотник, знаю, что жечь, — говорит Н. Е. Потапов, рабочий одного из предприятий города Мытищи (фото 4). — Приедешь на рыбалку — и тут покоя нет! Сколько все рыбаки за ночь сожгут? А мне каково дело!

— Какой же рыбак без костра обойдется? — недоумевает И. Н. Калинин, житель Ивантеевки, Московской области (фото 5). — Да и для палатки колья надо, в воздухе она висеть не будет! И чего пристаете, ведь нарубил самую малость!

— А у нас палатки нет, вот и приходится у огонька кемарить, пока щука клюнет, — с притворной грустью поясняют В. А. Стрючков, электромонтер треста «Лифтремонт», и Г. П. Подколзин, электрик треста № 7 «Мосстроймеханизации». — Пришли на бережок, видим, костер горит. Ну, мы и сели. У нас и топора-то нет... Чей в дереве торчит? А кто ж его знает (фото 6).

Плохо прививают у нас в школах любовь к лесу, уважение к народному добру. О каком воспитании может идти речь, если сами педагоги делают порубки! Умудрилась же воспитательница пионерлагеря Мытищинского зверосовхоза В. Н. Корченкова вместе со своими пионерами спилить многолетние березу и ель, а потом прыгать и петь вокруг костра. Не задумываясь, повторила этот «подвиг» преподавательница Софринской средней школы Чебаненко да еще приняла оскорбленную позу, когда лесник призвал ее к порядку.

— Вы не имеете права при школьниках мне замечание делать! Нетактично и непедагогично.

А на наш взгляд, с нарушителями, пускающими на распыл (в буквальном смысле) народное достояние, разговаривают слишком тактично.

По всей строгости закона надо привлекать за хищнические порубки. Вот за такое, что совершили Овчинников, Андреев, Оловянников и иже с ними. Трудно даже себе представить, сколько деревьев сгорит длинными осенними ночами в кострах рыбаков и туристов.

Да и не только в кострах. Не потушил его, уходя, какой-нибудь разгильдяй — и пошло полыхать все вокруг.

— За восемь месяцев этого года в Московской области возникло 410 пожаров, 697 гектаров пройдено огнем, — с возмущением рассказывают нам в Управлении охраны и защиты леса Главлесхоза РСФСР. — В Подмосковье хоть легче пожары тушить: и населения много и пожарные под боком. А что делать в Сибири, на Дальнем Востоке, в Якутии?.. Ведь в лесах Российской Федерации на первое сентября этого года было очень много пожаров!

Сколько же загубленного леса лежит на совести таких дикарей, этих любителей дыма и костра?!

Не за горами и Новый год. Сотни и сотни тысяч елочек, хищнически срубленных «под самый корешок», отволокут в города и села. На глазах у всех наносится невосполнимый урон природе.

А ведь есть статья уголовного кодекса, карающая за самовольные порубки. Применяется ли она? Только в самых что ни на есть уникальных случаях. Ударяем ли мы рублем, штрафом (чтобы и другим не было повадно!) легкомысленных туристов и рыбаков? Редко, да и то с неохотой. Но самое главное — не создаем мы общественного мнения вокруг нарушителей. И не предупреждаем планомерной воспитательной работой новые нарушения. Вот и горят костры.

По сей день горят.

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Фото В. Тужилина.

1

2

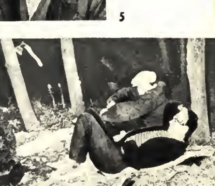

3

4

5

6

ПРОЧТИТЕ— НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!

«И все-таки она хорошая» — называется эта книжка М. Панова. В подзаголовке написано: «Рассказ о русской орфографии».

В Орфографическую комиссию, образованную при АН СССР, приходит много писем с требованием упразднить существующие правила правописания. Пусть каждый пишет так, как хочет или как считает почему-либо нужным.

Вам интересно увидеть, что из этого получится? Тогда поедемте по приглашению автора книжки в удивительный город Какографополь.

Какографополь — хороший город. Большой, шумный, деловой. Все в нем есть. Нет только орфографии.

Достаточно, я думаю, ее упразднителям прожить в том городе один день, чтобы они отказались от своих предложений.

В самом деле, сомнительное это удовольствие — испуганно метаться от вывески «Овасчи и фрукты» на одной улице к вывеске «О! выщчи ифруктты» — на другой. По три раза читать важное сообщение в газете в надежде постичь наконец смысл слов, преодолев их изменчивое буквенное обличье. Просить за неимением времени одну свою подружку прочесть вслух письмо другой подружки... а в нем секреты...

«Нет! Сюда я больше не ездок!» — наверняка воскликнут дружно наши «упразднители», со всех ног удирая из первой главы, в которой расположился излечивший их город.

Но не все противники современной орфографии настроены столь категорично. Некоторые из них выдвигают другой лозунг: «Как говорим, так и пишем»,— а если сформулировать его поточнее,— «Что слышим, то и пишем».

Речь идет, следовательно, о принципах фонетического (звукового) письма.

Кажется, на этот раз все в рамках приличий: принципы все-таки, а не какое-нибудь там «упразднение».

Однако предположим на минуту, что желание сторонников звукового принципа осуществилось. И вот один из них, родившийся и живущий в Москве, спешит поделиться своей радостью с собратом по идее, который находится в другом городе. Привычным движением он берется за перо, но первые же слова традиционного обращения «Дорогой Иван Иванович» ставят его в тупик. «Как лучше написать «дорогой»? — размышляет он.— Наверное, «дарагой», или нет: «дырагой»... а впрочем, и не так и не этак. Что я здесь произношу? Какой-то странный звук, не «а» и не «ы» и уж, конечно, не «о». Может быть, что-то среднее между всеми ними? А потом как быть с «Иваном Ивановичем»? На днях, когда разговаривал с ним по междугородному (плохо слышно было), кричал в трубку: «Попросите И-ва-на И-ва-но-ви-ча». А сейчас просится легкомысленное «Ван Ваныч». Чего доброго, обидится коллега!»

Но и этими затруднениями не исчерпываются неудобства звукового письма.

Необходимо думать не только о своем произношении, но и о произношении того, к кому ты пишешь. А если ты человек общительный и у тебя десять друзей и родных, которым ты пишешь письма? Двадцать? Сорок? А если ты работаешь в редакции газеты и обязан по должности отвечать на все письма трудящихся во всех концах Советского Союза?!

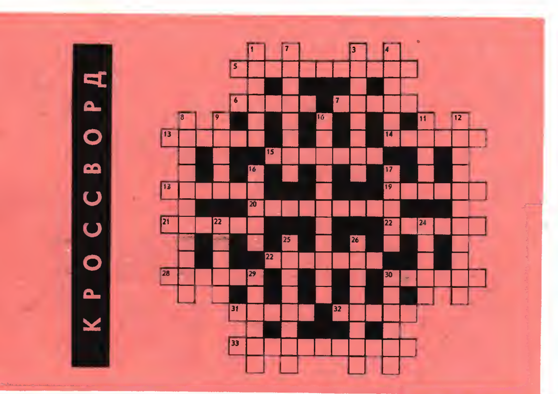
Об этом вы узнаете из второй главы книги М. Панова. И, покоренные его логикой, без сомнения, согласитесь с автором: для нашего языка звуковое письмо непригодно.

Рассказать вам и об остальных главах?

В них занимательно и точно рассказывается о том, каковы основы нашей орфографии, почему она нужна, что в ней хорошо и что плохо и как можно ее улучшить.

Книга учит с уважением относиться и родному языку. Прочтите эту книжку — не пожалеете!

Т. ВИНОКУР

По горизонтали:

5. Морская птица. 6. Часть оборудования кинотеатра. 7. Постоянная заработная плата. 13. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 14. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 15. Спортинвентарь теннисиста. 18. Сыр из овечьего молока. 19. Музыкальное произведение. 20. Пилот межпланетного корабля. 21. Одна из географических координат. 23. Участок земли для выращивания овощей. 27. Произведение живописи. 28. Список, указатель, перечень. 30. Советский химик. 31. Украинский поэт. 32. Сок хвойных растений. 33. Медицинское учреждение.

По вертикали:

1. Советский живописец. 2. Река в Средней Азии. 3. Ярлык. 4. Выдержка из текста. 8. Подбор различных видов товаров. 9. Клавишный инструмент. 10. Учебное пособие. 11. Музыкально-драматическое произведение. 12. Порт на Тихом океане. 16. Хищное животное. 17. Отрицательный полюс источника электрического тока. 22. Рассказ А. П. Чехова. 24. Литературный жанр. 25. Государство на Балканском полуострове. 26. Перерыв между уроками. 29. Машина для обработки металла, дерева. 30. Прозрачная бумага или тонкая ткань, применяемая при черчении.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

3. Туполев. 8. Веялка. 10. Краков. 12. Линза. 14. Пушкин. 15. Свитер. 16. Скрипка. 19. Игарка. 21. Кортеж. 22. Консультант. 25. Идиома. 27. Лебедь. 28. Каракал. 29. Пирога. 31. Сирена. 32. Катет. 34. Золото. 35. Ацетон. 36. Везувий.

По вертикали:

1. Гудал. 2. «Белка». 4. Пескарь. 5. План. 6. Марс. 7. Колибри. 9. Инжир. 11. Кургальджин. 13. Перекладина. 17. Кассета. 18. «Контора». 20. Айова. 21. Канал. 23. Колонок. 24. Обертон. 26. Парта. 30. Анод. 31. Свет. 32. Колея. 33. Тацит.

На первой странице обложки: Олимпийская надежда — Тамара Пресс, обладательница мировых рекордов в толкании ядра и метании диска.
Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Четырехкратный чемпион мира по современному пятиборью Игорь Новиков, участник XVIII Олимпийских игр.
Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление Е. КАЗАКОВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00763. Подписано к печати 30/IX 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 906 500. Изд. № 1737. Заказ № 2478.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ского дома, он чувствовал: там происходит что-то темное и чужое, оно может обернуться непоправимой бедой не только для Николая, но и для многих других. Однако что он может сделать, что предпринять? Бабкина нет, Николай, как назло, дежурит.

Сын явился за полночь, когда гости разъехались и в усадьбе погасли огни. Налив в миску щей погуще, Акундинов подождал, пока Николай насытится.

— Чего в городе слышно?

— Да все то же,— устало зевнул тот.— Мутит понемножку контра.

— А у нас старый знакомец объявился. Не примечал?

Николай зорко взглянул на отца:

— Кто такой?

— Видишь ли, парень, давно хотел тебе сказать, да все как-то не ко времени. Нехорошие у нас дела в усадьбе. Упокойники с того света являются, вот какая фантастика. Надобно бы Бабкину доложить, да ведь он и носа не кажет.

Раскуривая самокрутку, Николай спокойно осведомился:

— А где он сейчас?

— Кто? — растерялся старик.

— Да упокойник этот. Заночевал? — Николай придвинулся, сказал вполголоса: — О появлении поручика Обдорского нам известно, батя. И Бабкин знает. Явился он сюда не с добром. Но ты пока об этом никому ни полслова и виду не подавай, что его признал. Не вспугнуть бы, понятно? — Он озорно подмигнул: —Вижу, батя, что и ты начал соображать, что к чему. Молодец, батя.

Поручика Обдорского взяли ночью на квартире у Лельки. Он и не думал сопротивляться, назвался другим именем. Но после очной ставки с Акундиновым сразу сник, назвал единомышленников и тайные явки. Одна из многочисленных групп белогвардейского «Союза возрождения России», готовившая контрреволюционный мятеж в Вологде, была своевременно ликвидирована.

Провалились и другие попытки переворота. Только в Ярославле эсеровскому террористу Савинкову удалось разгромить большевистский Совет, временно захватить город, но и там мятеж был быстро подавлен.

Послы укладывали сундуки и чемоданы. В конце лета они покинули Вологду, выехали в Архангельск, но там их пребывание объявили нежелательным и предложили немедленно покинуть город.

Усадьба в Осанове снова опустела. Николай вступил в коммунистическую роту железнодорожных мастерских и перед отправкой на фронт часто задерживался на учениях. Грачи вывели птенцов, собирались в теплые края. По аллеям, усыпанным опавшей листвой, бродил один Акундинов.

Однажды в полдень перед усадьбой появился старенький, дребезжащий автомобиль. В нем сидели Бабкин и Николай. Не дав старику даже переодеться в чистое, они втиснули его на кожаное сиденье и покатили в город.

В особнячке на бывшем монастырском подворье, где от каменных стен веяло промозглой сыростью, навстречу им поднялся человек в солдатской шинели внакидку, с опрятной бородкой, в очках с железной оправой. Усадил в кресла с высокой резной спинкой, близоруко, из-под очков, поглядел на старика.

— Вот вы какой, товарищ Акундинов. Орел еще, орел! — И заговорил мягко, душевно: — Спасибо за службу, отец. И сыну твоему спасибо. Вы помогли нам потянуть за одну немаловажную нить белого заговора, обезвредить опасного врага. Ведь наш Обдорский был не просто рядовым боевиком, а связным самого Савинкова. За ним зацепились и другие. Тем и сильна, дорогие товарищи, наша Советская власть, что опирается она на таких, как вы. Правильно я говорю, товарищ Акундинов?

— Да ведь как иначе. Нельзя иначе-то,— растерялся старик.

— Вот так-то.— Он перевел взгляд на Николая, весело прищурился.— А игра в городки — хорошая игра. Исконно русская. И никто лучше нас в нее не играет.

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ НАУКИ

Крылья Советов

Александр Александрович Архангельский — верный соратник и друг А. Н. Туполева. Оба они — ученики Н. Е. Жуковского. Через руки А. А. Архангельского прошли все самолеты, создававшиеся конструкторским коллективом А. Н. Туполева.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии

Когда в 1922 году в московском небе появился одноместный спортивный самолет АНТ-1, едва ли кто мог предположить, что автор его, 34-летний инженер Андрей Николаевич Туполев, создаст целую эпоху в истории советского самолетостроения. С тех пор было спроектировано и построено более 120 типов первоклассных воздушных кораблей — военных и гражданских, небольших, средних и тяжелых. И каждый из них отличался чем-то особенным, неповторимым, и многие из них в момент создания опережали свое время.

Историю нашего воздушного флота сейчас нельзя изучать без А. Н. Туполева. Находясь у истоков советского авиастроения, он создавал такие машины, которые на весь мир прославляли Советский Союз как великую авиационную державу.

А. Н. Туполев оставил большой след и в авиационной науке, создав школу самолетостроения, откуда вышли П. О. Сухой, В. М. Мясищев, В. М. Петляков и другие конструкторы, ставшие впоследствии руководителями самостоятельных творческих коллективов и видными организаторами технического прогресса нашей авиации.

Андрей Николаевич Туполев родился в селе Пустомазово, бывшей Тверской губернии. Отец его был нотариусом.

Отдавая сына в гимназию, родители его вынуждены были подписать «обязательство», где был и такой пункт: «Следить, чтобы огнестрельного оружия в обращении у моего сына не было». Далее шел пункт, сыгравший в жизни гимназиста печальную роль: «Плата за учение вносится вперед полугодно... Не внесшие платы за учение в назначенные выше сроки считаются выбывшими из заведения...»

Туполев 8 августа 1900 года «по определению педагогического совета Тверской гимназии принят в 1-й класс». Однако уже в сентябре того же года мать его вынуждена была «покорнейше просить отсрочить взнос платы за учение сына моего, ученика 1-го класса Андрея Туполева до первых чисел декабря месяца настоящего года». На прошении — резолюция директора гимназии: «Отказать».

Сохранился документ, где говорится, что отец Андрея, «имея семь человек детей, находится в преклонных летах и болезненном состоянии, терпит крайнюю нужду и бедность и своим трудом не в состоянии содержать семейство, а тем более воспитывать их в учебном заведении».

Несмотря на все трудности, Андрей Николаевич 23 июня 1908 года получил аттестат зрелости.

Еще в гимназии у него проявляется интерес к точным наукам. Он увлекается астрономией, механикой, самостоятельно мастерит приборы, использующиеся для лабораторных работ на уроках физики.

В 1909 году он становится студентом Московского высшего технического училища, где творил и преподавал отец русской авиации Н. Е. Жуковский. Началась новая пора в его жизни. Однако в 1910 году студента Туполева за участие в студенческих волнениях в административном порядке высылают на родину. За ним был установлен негласный надзор.

Окончился срок ссылки, и Андрей Николаевич возвращается в МВТУ, с новыми силами приступает к учебе и увлекается авиацией. Вот как это произошло, по словам А. Н. Туполева:

— Случайно я попал на выставку моделей летательных аппаратов, которую устраивал Н. Е. Жуковский. Он попросил меня потянуть за трос планера. Это был мой первый труд в авиации. Я стал заниматься в воздухоплавательном кружке.

Душой всех начинаний кружковцев был Н. Е. Жуковский. Под его руководством студенты проектировали и изготовляли аэродинамические трубы, измерительную аппаратуру, планер, модели самолетов. Создавать летательные аппараты в те годы было нелегко, так как еще не было проверенных опытных данных по прочности фюзеляжа, крыльев и различных узлов, воспринимающих силовые нагрузки. Проектировать приходилось на ощупь, проверяя полученные результаты в полетах и аэродинамических трубах.

Участие в воздухоплавательном кружке определило всю дальнейшую жизнь Андрея Николаевича. Он решил посвятить себя авиации.

Воздухоплавательный кружок явился тем первоначальным звеном, где начали свою авиационную карьеру известные впоследствии конструкторы и ученые: А. Н. Туполев, Б. Н. Юрьев, Г. Х. Сабинин, В. П. Ветчинкин, Б. С. Стечкин и многие другие. Я также был членом этого кружка. Помню, уже в то время проявляется одна из особенностей Андрея Николаевича: упорное стремление все понять, переосмыслить и все изученное воплотить в дела. Это были годы не только теоретической, но и практической учебы.

В 1916 году Жуковский организует при МВТУ Расчетно-испытательное бюро, в котором Туполев возглавляет отдел аэродинамического расчета самолетов.

Рождается самолет...

В 1918 году состоялся первый выпуск отделения МВТУ, выпускавшего специалистов по самолетостроению. В него вошли А. Н. Туполев, Б. С. Стечкин, автор данной статьи и многие другие инженеры, и сейчас успешно работающие в нашей авиационной промышленности.

По решению Советского правительства 1 декабря 1918 года был создан Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) во главе с Н. Е. Жуковским.

А. Н. Туполев был назначен заместителем начальника ЦАГИ. В 1922 году при этом институте создается конструкторское бюро по проектированию летательных аппаратов под руководством Туполева.

Так началась научно-конструкторская деятельность Андрея Николаевича. Нужно сказать, что в очень многих чертах его деятельности до сих пор отчетливо проявляется влияние личности и стиля работы Н. Е. Жуковского. Общение с гениальным русским ученым — основателем и руководителем новых направлений в науке и технике — навсегда привило инженеру Туполеву органическое стремление к прочным связям науки и техники, теории и практики. Николай Егорович стремился привить всем ученикам умение видеть саму физическую суть явления за часто сложным математическим обрамлением теоретического решения какой-либо задачи. Этим умением в полной мере обладает Андрей Николаевич, что дает ему возможность глубоко проникать в сложнейшие проблемы авиационного двигателестроения, радиотехнику и в другие области специальных знаний, которые в своей совокупности и составляют современную авиационную науку.

Перед А. Н. Туполевым, помимо чисто исследовательских вопросов, была поставлена также задача практического самолето- и глиссеростроения. Для работ в этой области Андрей Николаевич подобрал себе небольшой коллектив таких же молодых, зараженных авиацией людей, каким был он сам.

Сейчас, вспоминая первые работы в области конструирования, невольно удивляешься той правильной последовательности, осторожности и технической целесообразности, с которой делались первые шаги. В самом деле, в тот период, когда выдвигались зачастую чисто изобретательские и фантастические проекты, Туполев для своего дебюта выбирает маленький спортивный самолет и небольшой экспериментальный глиссер.

При создании этих первых конструкций удалось уже тогда осуществить методы связи научно-исследовательской и лабораторной работы с непосредственной инженерной деятельностью.

В скором времени первенец АНТов поднялся в воздух. Это был деревянный АНТ-1 — родоначальник «семейства Туполевых». За неимением подготовленных рабочих самолет собрали сами конструкторы. Летные испытания также проводил один из них. Весь монтаж шел в доме, где сейчас помещается Музей Н. Е. Жуковского на улице Радио.

При проектировании этого самолета уже тогда Туполев наметил разделение конструкторов по отдельным агрегатам машины. Таким образом возникали зародыши современных конструкторских бригад, которые обеспечили в будущем развитие отечественной конструкторской школы самолетостроения.

По предложению В. И. Ленина, в 1923 году было создано Общество друзей воздушного флота (ОДВФ). В состав руководства избираются К. Е. Ворошилов, Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, А. Н. Туполев. Перед обществом стояла задача — содействовать самолетостроению, распространять авиационные знания, привлекать молодежь в авиацию. Известно, что одними из первых вступили в общество В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Еще и сейчас хранится расписка в том, что от них в фонд строительства воздушного флота получено шесть червонцев.

Общество друзей воздушного флота собрало средства на постройку эскадрильи «Ленин», которая была передана XIII съезду РКП(б) (1 июня 1924 года). В дальнейшем на средства, собранные населением, было построено несколько эскадрилий самолетов, в том числе «Ультиматум» (в ответ на ультиматум лорда Керзона), «Наш ответ Чемберлену» и др. Во всей этой большой патриотической работе Андрей Николаевич принял самое активное участие.

К этому периоду относится дискуссия: по какому пути должно идти развитие советского самолетостроения? Дело в том, что до 20-х годов древесина была главным конструкционным материалом в самолетостроении. С развитием авиации она становится явно непригодной для этих целей. Однако единого мнения среди ученых не было. Многие авиационные специалисты видели нашу «самобытность» в отрицании легких металлов как основного материала для самолетостроения. «Мы — страна лесная, и самолеты у нас должны быть только деревянные. Алюминия у нас нет, и металлические самолеты для нас — экзотическая роскошь»,— говорили они. Однако наше конструкторское бюро во главе с А. Н. Туполевым полностью и безоговорочно не только объявило себя сторонником металла, но с тех пор всю свою деятельность подчинило идее металлического самолетостроения.

После весьма длительных дискуссий победила точка зрения, поддерживаемая А. Н. Туполевым: для создания надежных и простых в эксплуатации машин необходимо переходить к цельнометаллическому самолетостроению. Однако техническая база молодой Советской республики не давала такой возможности.

Для освоения постройки металлических самолетов создается комиссия под руководством А. Н. Туполева. Комиссия разработала детальный план внедрения металла в самолетостроение. Металлический самолет начали строить не сразу. Первые работы были посвящены изучению свойств материала, технологии его обработки, изготовлению из него труб, профилей, гофр и т. д. Затем из металла были построены аэросани и глиссер, и на основе их эксплуатации изучались прочностные и коррозийные качества материала. Только после этого был спроектирован и построен первый в нашей стране металлический самолет АНТ-2. Когда приступили к его строительству, то не оказалось даже подходящего помещения, было использовано пустое здание. В его стене прорубили большое окно, через которое был вынесен АНТ-2.

Так над Москвой появился первый металлический самолет. Это произошло 26 мая 1924 года.

Вслед за АНТ-2 в 1925 году создается первый боевой самолет-разведчик А. Н. Туполева — АНТ-3, или Р-3. Он был полностью изготовлен из металла и принят на вооружение наших Военно-Воздушных Сил.

Успехи советского авиастроения взволновали капиталистический мир. Английский журнал «Аэроплан» писал в 1925 году: «Россия появилась теперь на сцену как держава, обладающая воздушным флотом, считаться с которым необходимо всем государствам цивилизованного Запада».

В 1926 году с 31 августа по 2 сентября на самолете АНТ-3, названном «Пролетарий», летчик М. М. Громов пролетел над Европой, сделав посадки в Кенигсберге, Берлине, Париже, Риме, Вене, Праге, Варшаве. Этот перелет произвел сенсацию в Европе. Чтобы ослабить впечатление, иностранная печать стала распространять слухи, что постройка АНТ-3 — заслуга не только А. Н. Туполева и его коллектива, но и каких-то зарубежных конструкторов, работающих в СССР.

А в августе 1927 года на таком же АНТ-3 под названием «Наш ответ» летчик С. А. Шестаков пролетел по маршруту Москва — Токио — Москва, покрыв 22 тысячи километров за 153 летных часа.

На Первомайском празднике 1929 года москвичи и зарубежные гости познакомились с известным впоследствии самолетом АНТ-9. Он стоял на Красной площади возле храма Василия Блаженного, сверкая металлической гофрированной обшивкой. М. М. Громов на этом самолете под названием «Крылья Советов» появляется над Берлином, Парижем, Римом, Лондоном, Варшавой. Вся советская и мировая пресса была полна восторгов и похвал в адрес конструктора, летчика и самолета.

Вскоре в воздухе появляется АНТ-4 «Страна Советов». На нем осенью 1929 года экипаж С. А. Шестакова совершает перелет из Москвы в Нью-Йорк через Сибирь, Дальний Восток и большую часть Северной Америки. Из

Новый турбореактивный самолет ТУ-154 скоро появится на пассажирских трассах страны.

Генеральный конструктор А. Н. Туполев, заместители Генерального конструктора С. М. Егер, К. В. Минкнер, Л. Л. Кербер, А. А. Архангельский, А. Р. Бонин.

Электростанция, построенная совместно с Советским Союзом.

В парке Дружбы народов в Санта-Мария. Кубинские школьники и секретарь Ждановского райкома КПСС Москвы Алла Шапошникова.

легации о выполнении ими сегодняшнего производственного плана и вручают на память Владимиру Комарову мачете...

* * *

Провинция Ориенте. Еще ярче, чем прежде, солнце. Еще богаче природа. Вдали видны силуэты гор. Вдоль дороги пальмы вперемежку с какими-то другими деревьями, кроны которых похожи на огромные стога сена. Пальмы и эти пышные деревья то сходятся в рощу, большую или малую, то спешно разбегаются по полю в одиночку или группами, уступая место пастбищам, огороженным деревянными изгородями.

В тридцати километрах от Сантьяго находится местечко Сибоней. Здесь в 1953 году молодые кубинские революционеры сосредоточили свои силы, чтобы отсюда начать наступление на кубинскую реакцию. В небольшом домике сейчас находится музей. У калитки дома памятная табличка сообщает о гибели Абеля Сантамария. Памятными табличками помечена вся дорога от Сантьяго до Сибонея. На них имена погибших героев, тех, кто героически сражался 26 июля 1953 года, участвуя в штурме казарм Монкада.

Выставка в музее рассказывает о подготовке этого дерзкого и смелого штурма. Фотографии воскрешают образы погибших молодых революционеров. Здесь же фотографии Фиделя Кастро и его брата Рауля Кастро. Нельзя без волнения смотреть на фотографию сестры Абеля Сантамария — Айде Сантамария с ее подругой Мельбой Эрнандес за тюремной решеткой.

Посетители осматривают цементный колодец, где революционеры прятали оружие. А дальше забор, который скрывал приходящие машины от взора полиции. В музее военные костюмы, снаряжение повстанцев. Под стеклом титульный лист из двухтомника Ленина: эту книгу читал Абель.

Сибоней — тихое живописное место. И трудно представить себе, что совсем недавно в этих местах шли упорные бои молодых смельчаков с армией Батисты, что недалеко отсюда в военной тюрьме истязали Абеля Сантамария и его сподвижников.

Спустя несколько лет повстанческая армия смелыми маневрами заставила сдаться обученные и отлично вооруженные войска наемников американских империалистов...

Несколько часов мы провели в центральном школьном городке имени 26 июля на территории бывших казарм Монкада. Здесь сейчас свыше 6 тысяч учащихся. Начальная и средняя школы, подготовительные отделения в высшие учебные заведения, различные курсы повышения образования...

Директор подмосковного совхоза «Красный луч» Вячеслав Никулин передает школьникам письмо от советских ребят и пионерский вымпел. Юные друзья из Сантьяго передали нам ответное письмо и свой вымпел. Дети продолжают традиции своих родителей, братьев и сестер...

Вечером того же дня советская делегация возложила венок у памятника Хосе Марти и молча стояла, склонив головы, у могилы Абеля Сантамария и его тридцати двух боевых товарищей.

Братья Франк и Хосе Паис были убиты в 1957 году. К этой могиле часто приходит их старая мать. Мы заехали к ней домой и выразили свое восхищение жизнью стойких революционеров, каких сумела воспитать она, мужественная женщина. На память мы оставили ей медаль Максима Горького с надписью:

В песне смелых и сильных духом
Всегда ты будешь живым
примером,
Призывом гордым к свободе, к
свету!

Матери Паис 63 года. Она напомнила мне Долорес Ибаррури. Такое же энергичное лицо, живые карие глаза и седая голова. Сама она испанка, но давно уже живет на Кубе. Она была очень тронута нашим вниманием и живо интересовалась новостями из Москвы.

* * *

Нашу делегацию принял президент Освальдо Дортикос. Он долго расспрашивал меня о деятельности агентства печати Новости, интересовался нашими контактами с агентством Пренса Латина. Мне доставила искреннюю радость возможность рассказать президенту о том, что материалы Пренса Латина, кроме Советского Союза, мы будем распространять в странах Арабского Востока и в странах Африки. А Пренса Латина, в свою очередь, будет распространять наши материалы не только на Кубе, но также в странах Латинской Америки.

Мы поделились с Освальдо Дортикосом впечатлениями о поездке. Владимир Комаров рассказал о будущих планах советских космонавтов. Отвечая на вопрос президента, В. Комаров сказал:

— Конечно, личные качества космонавтов имеют какое-то значение. Но главное — в успехах нашей науки, нашей советской промышленности, наших инженеров и рабочих.

— Скромность—это первое качество космонавтов,— заметил Освальдо Дортикос.—Я встречался с Гагариным, с Терешковой. Вот встречаю вас сейчас. И в каждом из вас я вижу скромность — это благородное качество человека. Вас, наверно,— продолжал Дортикос,— осаждали наши юноши и девушки просьбами взять их с собой в космос. Но я вас прошу: порекомендуйте им прежде всего овладеть сельскохозяйственными машинами. Конечно, космос — увлекательное дело, почетное дело. Но наша молодежь пусть пока займется более земными делами...

* * *

Перед отъездом из Гаваны наша делегация выступала по телевидению. Настроение у всех нас было очень хорошее, мы были полны впечатлений. Каждый с большим воодушевлением говорил о встречах с кубинцами, восторгался их жизнерадостностью, энергией, их отношением к революции, к ее завоеваниям.

Через несколько часов делегация отбывала в Москву. Мы прощались с Гаваной, с островом Свободы. Тогда мы еще не знали, что ночью встретимся с Фиделем Кастро...

Бывают, конечно, протокольные встречи с государственными деятелями и бывают протокольные вежливые фразы о взаимном удовольствии. Но у нас с Фиделем не было протокольной встречи, как и не было протокольных фраз.

Может быть, потому, что встреча наша состоялась поздно ночью, Фидель выглядел немного усталым. Кроме того, как он сразу сообщил нам, у него была небольшая простуда.

Фидель Кастро радушно поздоровался со всеми нами, а мы передали ему привет от наших руководителей и пожелали успехов ему и всему кубинскому народу.

Рассказывая нам об экономике республики и особенно о развитии сельского хозяйства, Фидель все время заглядывает в записную книжку, что-то подсчитывает, что-то сверяет.

— Мы хотим поставить наше животноводство и птицеводство на научную основу,— говорит он.— Мы усиленно развиваем овощеводство. Мы обещали и будем полностью снабжать ГДР свежими овощами. Если бы Советское государство организовало 200 рейсов рефрижераторов, мы могли бы вас снабжать свежими овощами в зимние месяцы. Я прошу, чтобы ваши товарищи изучили эту возможность. Мы можем вам поставлять помидоры, огурцы, салат. Через год мы сможем снабжать вас и цитрусовыми. Мы хотим также увеличить урожай бананов.

Фидель опять перелистывает записную книжку.

— В этом году будет значительно больше сахара, у нас хороший урожай. В таких провинциях, как Матансас, Лас-Вильяс, увеличим производство мяса в два раза. Часть мяса будем экспортировать.

Фидель Кастро рассказывает о хозяйствах, где содержится до 300 голов скота на 100 гектаров.

— Мы готовим сейчас кадры животноводов,— говорит Фидель.— Кстати, у нас нет никаких эпидемий скота.

Советские специалисты помогают нам. Я думаю, что дело у нас идет неплохо. Контрреволюция подавлена — это главное!

Мы вручили Фиделю Кастро русские сувениры: самовар, большую матрешку от Терешковой и Николаева. Фидель очень оживился, тепло прощался с нами, просил передать самые лучшие пожелания товарищам Брежневу, Косыгину, Микояну.

Мы возвращались в гостиницу, когда время шагнуло уже далеко за полночь. Луна поднялась выше, разлилась по всему водному океану. Потухли огни реклам. Расходились по домам заядлые рыбаки-спиннингисты.

Хосе Марти когда-то сказал: революции нужны крылья... У кубинской революции есть такие крылья.

Дом на улице Пьер-Герен.

ВСТРЕЧА НА УЛИЦЕ ПЬЕР-ГЕРЕН

В. ВЛАДИМИРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Силуэт Эйфелевой башни остался далеко позади. Такси везет меня по улице Моцарта. Шофер оборачивается и переспрашивает адрес.

— Улица Пьер-Герен, 38-бис,— повторяю я и, чтобы не было сомнений, добавляю:—Дом Юсупова! Феликс Юсупов!

— О да, мосье. Ле пренс рюсс!

Для парижского водителя Юсупов — только «русский князь», каких в Париже немало. Для нас это человек, который убил Распутина.

Кажется, что это было в незапамятные времена. Люди моего поколения были тогда детьми. Мы помним краткие газетные сообщения: «Исчез без вести Г. Е. Распутин... Тело найдено в проруби на Невке... Пять ранений револьверными пулями... При вскрытии обнаружены следы отравления цианистым калием...»

Все это на фоне более чем двух тяжких лет мировой войны казалось второстепенным эпизодом. Только люди, знавшие темную обстановку политической жизни Петрограда и имевшие представление о роли, которую Распутин, этот сибирский «варнак» и сектантский шарлатан, играл при деморализованном, прогнившем императорском дворе, улыбались.

— Наконец-то нашлись люди, которые покончили с этим позором! Кто это сделал?

Ища пути спасения идущей к гибели монархии, это сделал представитель аристократии, которую никак нельзя было заподозрить даже в самых ничтожных симпатиях к левым,— князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, родственник царствующей фамилии, муж племянницы Николая II. Помогали ему великий князь Дмитрий Павлович, сын двоюродного брата Николая II, и крайне правый депутат Государственной думы, черносотенец В. Пуришкевич. Обреченная на полный распад правящая верхушка царской России пыталась таким образом удержаться у власти.

Пока такси лавирует в автомобильном потоке, вспоминаю: если верить семейным преданиям Юсуповых, то они происходят прямо от пророка Магомета. Во всяком случае, их дальним предком считается Абубекр-бен-Райок, эмир аль Омра, «князь князей», «султан султанов», потомок легендарного Али, племянник пророка.

Князь Николай Борисович Юсупов, екатерининский вельможа, обладал несметными богатствами. Он приобрел подмосковную усадьбу Архангельское и приступил к коренной перестройке. Многие видели Архангельское, прекрасный памятник русской архитектуры, созданный руками крепостных. Теперь, когда хозяином Архангельского стал народ, тысячи экскурсантов ходят по великолепным террасам и паркам. Тысячи людей любуются во дворце полотнами Ван-Дейка, Рокотова, единственными в мире подлинными декорациями П. Гонзага.

Бывший владелец этого дворца, ныне живущий в Париже, вспоминает все это как далекое видение юности. Кое-чего он и помнить не может. Я имею в виду современные музейные экспозиции — работы крепостных архитекторов, живописцев и мастеров фарфора: Стрижакова, умершего от туберкулеза в 1819 году, сосланных Юсуповыми Борунова и Сотникова, Шебанина, Полтева и многих других.

Здесь, в Архангельском, бывали Пушкин, Вяземский, Герцен. Сюда в 1921 году приезжал В. И. Ленин.

Юсуповы были много богаче Романовых. Принадлежавшие им дворцы рассеяны по всей стране. Ленинградцы знают дворец на Мойке (ныне Дом учителя). Москвичи — боярские палаты Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. Миллионы отдыхающих на Южном берегу Крыма видели юсуповские виллы в Кокозе и Кореизе — ныне санатории...

Шофер тормозит. Улица Пьер-Герен узка, дальше начинается переулочек, напоминающий тупики старой Москвы.

— Извините, мосье, я не могу сюда въехать: тут не развернуться.

До дома 38-бис я дошел пешком. Встречная дама на мой вопрос расплылась в улыбке.

— О! Ле пренс! Это вот там, чуть дальше, видите, калитка?

Дом более чем скромный. Два этажа с небольшим балконом. Дворик, мощенный плитами, окруженный высокими деревьями, в тишине парижского квартала Отейль напоминает деревню. Маленькая собачка, выбежавшая мне навстречу, заливается на весь переулок.

Выходит служанка-француженка. Я называю свою фамилию.

— Пожалуйста, мосье, вас ждут.

По внутренней лестнице спускается человек, возраст которого определить трудно, ибо он строен, как юноша, дымчатые очки скрывают взгляд (у Юсупова болят глаза от света). Нет, решительно он не выглядит на свои годы.

Хозяин повел меня наверх. В глубине комнаты сразу бросается в глаза большая белая кровать под балдахином. У нас такую теперь можно увидеть только в театре.

Мебель белая, просторная, дворцового типа. На стенах картины, среди которых портрет отца хозяина дома. Кавалергард, держащий под уздцы лошадь, великолепно изображен В. Серовым.

Юсупов расспрашивает меня об Архангельском, о ленинградском дворце.

По поводу своего домика на улице Пьер-Герен Феликс Феликсович с усмешкой сообщил, что это здание когда-то было конюшней. Работа по превращению его в жилой дом заняла порядочно времени и производилась бригадой русских рабочих. Осенью Юсупов и его жена сидели, закутавшись в пальто, у старой дымящей печки — такую у нас в годы гражданской войны называли «буржуйкой». Окна были открыты настежь, чтобы выходил дым. Крыша была дырявая, и в дождь Юсуповы спали под зонтиком. Наконец все было приведено в порядок: внизу гостиная и столовая, наверху—бывшем сеновале— две комнаты хозяев.

Юсупов подарил мне два тома своих воспоминаний, изданных в Париже на французском языке. Первый называется «До изгнания», второй — «В изгнании».

В этих книгах немало интересного. Многое освещено пристрастно. Но подробности убийства Распутина могли бы стать сюжетом приключенческого романа.

«Старец», замышлявший в 1916 году дворцовый переворот (отстранение Николая II и возведение на престол наследника Алексея под регентством императрицы, то есть предоставление фактической власти Распутину), оказался необыкновенно живуч. Отравленные пирожные и вино на него не подействовали. Выстрел в сердце распластал его на полу лишь на считанные минуты. Он даже сумел выбежать во двор. Понадобились еще четыре револьверные пули, чтобы эта зловещая личность закончила свое существование.

Все это произошло в доме, который и поныне возвышается на Мойке, и сделано это руками человека, который сидит передо мной.

Феликс Юсупов в гражданской войне не участвовал. Он уехал за границу.

Он перепробовал множество предприятий, но, по его словам, не был счастлив ни в одном из них.

С улыбкой вспоминает он один из дней 1924 года, когда, находясь в Лондоне и не имея денег, чтобы поесть, набрел на ресторан, у входа в который было вывешено меню:

«Пулярка по-юсуповски...»

Голодный князь вошел в ресторан, заказал пулярку своего имени и бутылку лучшего вина. Счет оказался явно непосильным для его кармана. Он вызвал хозяина и показал ему свой паспорт.

Хозяин округлил глаза и разорвал счет.

— Я злоупотребил вашим именем, князь, прошу вас быть на сегодня моим гостем...

Феликс Юсупов имеет дарование художника, но никогда систематически не учился. В столовой дома на улице Пьер-Герен

он показал мне свои картины — действительно незаурядные.

«Кому бы из художников-профессионалов я ни показывал эти странные произведения,— пишет он в своих воспоминаниях,— все в один голос восхищались мастерством, которое обычно достигается годами учения. Я же ни разу не держал в руке ни карандаша, ни кисти вплоть до этой полосы исступленного творчества, а как только она кончилась, я совершенно потерял вкус и охоту к этому занятию...»

Юсупов находился в Париже во времена гитлеровской оккупации, о которой он говорит с нескрываемым отвращением. Ему не раз делались самые заманчивые предложения, его пытались шантажировать, обещая возвратить хранившуюся в сейфе банка драгоценнейшую черную жемчужину его матери, если он согласится быть агентом гитлеровской разведки. Ему предлагали... российский престол! Ему предлагали любые формы сотрудничества с гитлеровцами. Но он отвечал решительным отказом.

Жизнь Ф. Юсупова прошла главным образом за границей. Но в свои 78 лет он не теряет надежды увидеть родную землю и надеется, что ему когда-нибудь представится эта возможность.

Париж.

Мы публикуем отрывок из воспоминаний Ф. Ф. Юсупова (в переводе с французского) об убийстве Распутина.

* * *

...Война началась успешно — глубоким прорывом в Восточную Пруссию. Наше командование хотело таким образом прийти на помощь Франции, разрядив напряжение на Западном фронте. В конце августа ввиду недостатка тяжелой артиллерии корпус генерала Самсонова, составленный из отборных частей, попал в окружение под Танненбергом. Генерал покончил с собой. Успешное наступление было предпринято затем на австрийском фронте, но в феврале 1915 года новая попытка наступления в Восточной Пруссии закончилась разгромом под Августовом. 2 мая наш фронт был прорван на юго-западе соединенным натиском австро-германских сил. Русские войска, терпевшие недостаток и в питании и в снабжении, в ужасающих условиях сражались против великолепно оснащенной германской армии. Целые полки гибли, не имея возможности защищаться, не получая вовремя боевых припасов. Геройство войск было бессильно против бездарности командования, неналаженности коммуникаций и недостатка снаряжения — отступление превратилось в бегство.

В тылу подняло голос общественное мнение. Заговорили об измене: упоминались имена государыни и Распутина, всех возмущало безволие государя.

В те времена большинство крупных предприятий, особенно в Москве, было в руках немцев, которые держали себя в высшей степени вызывающе.

Среди командования и придворных чинов было много сановников с немецкими фамилиями.

Однажды моя мать заметила государю, какое тягостное впечатление производит на общество такое количество немецких фамилий среди высших придворных чинов.

— Что я могу поделать, княгиня?— возразил он.— Все они очень мне преданы! Правда, некоторые от старости стали выживать из ума. Вот, например, бедняга Фредерикс, мой министр двора. Он на днях подошел ко мне, похлопал меня по плечу и спросил:— Тебя тоже пригласили и завтраку?

* * *

В 1915 году государь назначил моего отца московским генерал-губернатором. Ему не суждено было удержаться на этой должности. Один человек не мог бороться с немецкой камарильей, захватившей все ответственные посты. Видя вокруг шпионаж и измену, отец принимал самые крутые меры, чтобы оградить Москву от происков врага. Но большинство министров, получивших портфели через Распутина, были германофилами. Они противились всем распоряжениям генерал-губернатора. Мой отец, возмущенный систематическим противодействием со стороны членов правительства, отправился в Главную ставку, где имел беседу с царем в присутствии верховного главнокомандующего, штаба и министров.

Ничего не смягчая, он открыто изложил положение, которое застал в Москве, вскрыл имевшие место факты, назвал имена виновных. Его страстная речь произвела ошеломляющее впечатление. К несчастью, выстрел оказался холостым. Окружавшая царя немецкая клика была достаточно влиятельна, чтобы мигом стереть впечатление от доклада генерал-губернатора. Возвратившись в Москву, мой отец узнал, что он отставлен от должности.

Почти тогда же, в конце августа 1915 года, было официально объявлено, что великий князь Николай Николаевич снят с поста верховного главнокомандующего и отправлен на Кавказский фронт, а командование принял на себя сам государь. Известие это было встречено неприязненно: все знали, что столь важное решение принято под нажимом «старца» и является плодом его интриг. Хотя Николай II и оказывал Распутину очень слабое противодействие, все-таки «старец» предпочитал иметь руки полностью развязанными, отправив его в ставку. Теперь Распутин почти ежедневно стал бывать в Царском Селе. Его советы и мнения имели силу закона и немедленно сообщались в ставку. Ни один важный военный приказ не издавался без предварительной санкции Распутина. Царица питала к нему неограниченное доверие и выдавала ему самые серьезные государственные тайны. Через нее Россией правил Распутин.

Великие князья и представители высшей аристократии втайне замышляли отстранить императрицу от власти и вынудить ее удалиться в монастырь. Распутина намеревались сослать в Сибирь, царя низложить, а на престол возвести наследника. Все строили заговоры, в том числе и генералитет.

В 1916 году положение на фронтах день ото дня становилось тяжелее, царь все больше терял волю благодаря снадобьям, которые прописывали и давали ему ежедневно по указаниям Распутина, власть которого и этому временщика достигла апогея. Ему уже недостаточно было отставлять и назначать министров, генералов и держать в подчинении даже высшее духовенство.

Надежды раскрыть глаза царю и царице отпали после многократных бесплодных попыток. Каким же способом можно было избавить Россию от ее злого гения? Такой вопрос, помимо меня, задавали себе великий князь Дмитрий Павлович и депутат Государственной думы Пуришкевич. Не сговариваясь, мы все трое пришли к одному выводу: Распутина надо убрать, даже если придется его физически уничтожить...

В свое время председатель совета министров Владимир Николаевич Коковцов заклинал царя сослать Распутина в Сибирь. Но Распутин тут же позвонил к одному из близких друзей Коковцова:

— Твой приятель пытался запугать папу. Наговорил про меня всяких пакостей, но успеха не имел. Папа и мама любят меня по-прежнему. Можешь от моего имени сообщить об этом Владимиру Николаевичу.

Под давлением Распутина и его клики Коковцов был отстранен.

Председатель Государственной думы Родзянко сказал мне однажды:

— Что можно поделать, когда все министры и все приближенные государя — ставленники Распутина? Единственным средством спасения было бы убийство этого негодяя, но в России нет никого, кто бы на это отважился. Я бы пошел на это, не будь я так стар.

Его слова утвердили меня в моем решении. Но легко ли хладнокровно подготовлять убийство?

Великий князь Дмитрий находился в ставке. В его отсутствие я часто встречался с капитаном Сухотиным, раненным на войне и находившимся на излечении в Санкт-Петербурге. Я доверил мое намерение этому верному другу и спросил, согласен ли он мне помочь. Он без минуты колебания выразил свою готовность.

В тот день, когда мы вели эту беседу, из ставки возвратился Дмитрий. Он признался мне, что мысль уничтожить Распутина давно не дает ему покоя, но он еще не видит способов осуществить это намерение.

Вечером ко мне пришел Сухотин, я передал ему разговор с великим князем, и мы принялись вырабатывать план действий. Решено было, что мне прежде всего надо приблизиться к Распутину и войти к нему в доверие, чтобы от него самого узнать его политические замыслы.

Мы не отказывались от мысли убрать его мирными способами, например, дав ему крупное отступное. А уж если придется прибегнуть к насилию, надо заранее решить, как осуществить этот план. Я предложил тянуть жребий, на кого падет обязанность прикончить «старца» выстрелом из револьвера.

Несколько дней спустя моя приятельница, м-ль Г., у которой я познакомился с Распутиным в 1909 году, позвонила ко мне и пригласила назавтра к своей матери, где будет Григорий Ефимович, который очень желает со мной встретиться.

Случай нам благоприятствовал, хотя мне и было тягостно злоупотребить дружбой м-ль Г., которая и отдаленно не подозревала о причинах моего согласия.

На следующий день я отправился в семейство Г., куда вскоре явился и «старец». Он сильно изменился, растолстел, обрюзг. На нем теперь была синяя шелковая вышитая рубаха и бархатные шаровары. И держал он себя еще бесцеремоннее, еще наглее, чем раньше.

Увидев меня, он ухмыльнулся, подмигнул мне и расцеловал меня. Я с трудом скрыл гадливость, которую мне внушило его прикосновение. Он был чем-то озабочен и взволнованно шагал по комнате. Вдруг раздался телефонный звонок.

— Должно быть, меня,— забеспокоился Распутин.— Подойди спроси,— приказал он м-ль Г.

Она покорно поднялась, ничуть не удивившись этому повелительному тону.

Действительно, звонили Распутину. Он вернулся от телефона в полной растерянности и тут же уехал.

Я решил не искать с ним встреч, пока он сам этого не пожелает.

Ждать мне пришлось недолго. В тот же вечер м-ль Г. прислала мне записку, в которой передавала извинения Распутина за быстрый отъезд. Она просила меня приехать завтра и захватить гитару по просьбе «старца», который узнал, что я пою, и хотел меня послушать. Я не замедлил принять приглашение. Я приехал раньше Распутина. Воспользовавшись этим, я спросил хозяйку дома, почему он так поспешно уехал накануне.

— Ему сообщили, что одно очень важное дело принимает неблагоприятный оборот. Но теперь все уладилось. Григорий Ефимович вспылил, поднял крик. «Там» испугались и уступили.

— Где это «там»?— спросил я.

— В Царском Селе,—с запинкой ответила моя собеседница.

В конце концов я выяснил, что делом, так взволновавшим «старца», было назначение Протопопова на пост министра внутренних дел. Распутинская клика настаивала на этом назначении, а другие приближенные отговаривали государя. «Старцу» было достаточно собственной персоной пожаловать в Царское Село, чтобы добиться своего.

На этот раз, когда Распутин приехал к господам Г., он был в превосходном настроении.

Наши отношения, необходимые для осуществления моего плана, налаживались успешно. Но как мне было тягостно общение с Распутиным! После каждой встречи я чувствовал себя как бы замаранным.

Однажды я встретил м-ль Г.

— Как вам не стыдно?— сказала она.— Григорий Ефимович ждет, чтобы мы с вами приехали к нему.

Я согласился поехать с ней на следующий день к «старцу».

— Наконец-то! — сказал он мне.— А я уже начал сердиться. Столько дней заставил себя ждать!

Квартира Распутина производила впечатление жилища зажиточных мещан.

Распутин угощал нас чаем.

В столовую принесли огромную корзину цветов, в которую была всунута записочка.

Распутин даже не взглянул на корзину.

— Григорий Ефимович,— заметил я,— вам подносят цветы, как знаменитой примадонне.

— Дуры все эти бабы, балуют меня, каждый день посылают цветы,— смеясь, сказал он и обратился к м-ль Г.: — Выйди-ка в соседнюю комнату. Нам надо с ним поговорить.

Когда мы остались одни, Распутин придвинул стул и взял мою руку.

— Ну как, дружок, нравится тебе у меня? Приходи почаще, не пожалеешь.

Он пристально смотрел мне в глаза.

— Не бойся меня,— вкрадчивым голосом продолжал он,— когда ты узнаешь меня поближе, ты поймешь, что я за человек. Если уж папа и мама меня слушаются, тебе и вовсе не грех меня послушаться. Я сегодня увижусь с ними и скажу, что ты пил у меня чай. Они будут очень довольны.

Мне совсем не улыбалось, чтобы о моем визите к Распутину узнали в Царском Селе.

— Послушайте, Григорий Ефимович, лучше не говорите обо мне. Если мои родители узнают, что я бываю у вас, они будут недовольны.

Распутин обещал молчать. Он заговорил о политике и принялся критиковать Государственную думу.

— Там только и делают, что ругают меня, а это беспокоит государя. Но это недолго будет продолжаться. Я скоро распущу Думу и отправлю депутатов на фронт. Они там поймут, чего стоит их болтовня, и вспомнят меня.

— Неужели вы действительно можете распустить Думу, Григорий Ефимович? Как это возможно?

— Что ты, голубчик! Это проще простого. Когда ты станешь моим другом и союзником, я все тебе открою. Пока скажу только одно: царица поистине мудрая и сильная духом монархиня, от нее я могу добиться всего. А он простая душа, он не из того теста, из которого делают самодержцев: он создан для семейной жизни, для того, чтобы любоваться природой и цветами, но царствовать — нет. Это ему не под силу — мы и помогаем ему с благословения божия.

Надежды убрать «старца», не прибегая к насилию, казались мне все более несбыточными. Он чувствовал свое могущество и считал, что ему ничего не грозит. Предлагать ему деньги было явной бессмыслицей: он, по-видимому, располагал значительными средствами, а если верно, что он, хоть и не вполне сознательно, действовал в пользу Германии, то, конечно, в его распоряжение могли быть предоставлены куда большие суммы, чем те, какие мы были в состоянии ему предложить.

Это был неграмотный мужик, циничный, жадный, беспринципный, стечением обстоятельств вознесенный на вершины власти. Неограниченное влияние на царя и царицу, поклонение светских дам, непрерывные оргии и непривычная растлевающая праздность вытравили из него последние остатки совести.

Но кто же были люди, умевшие

вертеть им, как марионеткой, и управлявшие им на расстоянии, без его ведома? Маловероятно, чтобы Распутин был осведомлен об истинных намерениях своих наставников и даже чтобы он знал, кто они такие,— он вообще не запоминал имена тех, с кем встречался. Большинству он сам придумывал прозвища. Во время одного из наших разговоров, коснувшись вопроса о своих таинственных друзьях, он назвал их «зелеными». Весьма вероятно, что он их никогда не видел и сносился с ними через третьих лиц.

— «Зеленые» живут в Швеции. Ты поедешь с ними знакомиться,— сказал он мне.

— А в России тоже есть «зеленые»?— спросил я.

— Нет, здесь есть только «зеленоватые», друзья их и наши. Это умные, толковые люди.

Я теперь часто бывал у Распутина.

— Ты, голубчик, человек с головой,—сказал он мне однажды.—Ты все понимаешь с первого слова. Хочешь, я назначу тебя министром?

— Я готов и так помогать вам, только ради бога не вздумайте назначать меня министром,— смеясь, ответил я.

— Отчего ты смеешься? Думаешь, я не смогу это сделать? Я все могу. Я делаю, что хочу, и все меня слушаются. Вот увидишь, я тебя сделаю министром.

— Прошу вас, не надо, Григорий Ефимович. Я не гожусь в министры. Да и ни к чему это! Лучше я буду без огласки помогать вам.

— Пожалуй, ты прав, но не все рассуждают по-твоему. Люди по большей части приходят ко мне и просят: сделай то-то, устрой это. Каждый чего-то хочет.

— А как вы исполняете их просьбы?

— Посылаю их с записочкой к министру или другому влиятельному лицу, а то и прямо в Царское Село. Вот так я и раздаю должности.

— И министры вас слушаются?

— Все до единого!— воскликнул Распутин.— Ведь они все обязаны мне своим положением, как же им не слушаться меня? А заупрямятся, так они знают, что это для них добром не кончится... Меня все боятся, все без исключения. Чтобы добиться своего, мне достаточно стукнуть кулаком по столу. Вот как с вами, с аристократами, надо обращаться! Вы мне завидуете, что я в своих сапожищах разгуливаю по дворцовым залам. Вы преисполнены гордыни, а гордыня, голубчик, порождает грех. Хочешь быть угоден богу, убей в себе гордыню...

Казалось, сама судьба привела меня к нему, чтобы я собственными глазами увидел, какую пагубную роль он играет. Тогда к чему проволочки? Щадить его — значит умножать число убитых на фронтах и длить бедствия всей страны. Найдется ли в России хоть один порядочный человек, который не желал бы его смерти?

Вопрос теперь заключался не в том, надо ли убрать Распутина, а в том, я ли должен его пристрелить.

Первоначальный план убить его у него на квартире оказался несостоятельным. В самый разгар войны, когда готовилось наступление на широком фронте, а в тылу нарастало возбуждение умов, открытое убийство Распутина могло быть истолковано как враждебный выпад против императорской фамилии. Значит, надо было убрать его так, чтобы никто и никогда не узнал ни обстоятельств его смерти, ни имен тех, кто это осуществил.

Пуришкевич тоже считал, что Распутина надо устранить тайком. Собравшись вместе с Дмитрием и Сухотиным, мы решили, что яд — лучший способ убить «старца» так, чтобы не осталось следов убийства.

Местом действия был выбран наш дом на Мойке.

Распутин давно хотел познакомиться с моей женой. Думая, что она находится в Петербурге, и зная, что родители мои в Крыму, он охотно принял мое приглашение. На самом деле Ирина тоже была в Крыму, но я рассчитывал, что Распутин скорее примет мое приглашение, если у него будет надежда встретиться с ней.

Дмитрий и Пуришкевич как раз вернулись с фронта, и решено было, что я приглашу Распутина приехать на Мойку вечером 29 декабря.

Он поставил мне единственным условием, что я сам заеду за ним и привезу его обратно, и посоветовал мне подняться по черной лестнице, а он предупредит швейцара, что за ним в полночь приедет приятель.

С изумлением и ужасом я констатировал, как легко он на все соглашался и сам устранял возможные осложнения.

НОЧЬ НА 29 ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА

Решено было, что я приму Распутина в подвальном помещении, только что мною оборудованном. Оно было разделено сводами на две комнаты. Та, что больше, должна была служить столовой; из второй винтовая лестница вела в мои покои в первом этаже; на полдороге была дверь, выходившая прямо во двор. Чтобы не возбудить подозрений Распутина, надо было так обставить первую комнату, чтобы она имела вполне жилой вид. Когда я вошел туда под вечер 29-го числа, обойщики кончали раскладывать ковры и вешать портьеры. С чердака принесли отобранную мною мебель: резные дубовые кресла с высокими спинками, столики, покрытые старинной парчой, чаши слоновой кости и другие ценные предметы. Как сейчас, вижу обстановку этой комнаты во всех ее подробностях, и в особенности шкафчик черного дерева с инкрустациями, зеркалами и секретными ящичками. На шкафчике стояло распятие из горного хрусталя и чеканного серебра итальянской работы XVI века.

Посреди комнаты был поставлен стол, где Распутину предстояло выпить последнюю чашку чая.

В 11 часов все было готово в подвальных апартаментах. На столе уже пыхтел самовар, кругом были расставлены вазы с пирожными и любимыми распутинскими лакомствами. Поднос с бутылками и бокалами стоял на поставце. Старинные фонари с цветными стеклами освещали комнату сверху; тяжелые красные штофные занавеси были спущены. Казалось, мы здесь отгорожены от всего мира. И что бы ни произошло здесь нынче ночью, все будет похоронено за толщей этих стен.

Раздался звонок — это приехал Дмитрий и остальные мои друзья. Я провел их в столовую. Несколько мгновений они молча созерцали то место, где Распутина ждет смерть.

Я достал из шкафчика с инкрустациями коробку с ядом. Доктор Лазоверт надел резиновые перчатки, взял кристаллы цианистого калия и измельчил их в порошок. Потом приподнял верхушку пирожных и засыпал донышко такой дозой яда, которой, по его словам, хватило бы, чтобы мгновенно убить нескольких человек. Молча, с волнением следили мы за каждым жестом доктора. Еще предстояло насыпать яду в бокалы. Решено было сыпать его в последнюю минуту, чтобы он, испаряясь, не утратил своей силы.

Надо было сделать вид, что мы кончили ужинать. Я предупреждал Распутина, что мы обычно ужинаем с гостями в этой столовой, а потом я остаюсь один внизу, читаю или работаю, пока гости поднимаются наверх покурить в моем кабинете.

Мы устроили на столе беспорядок, отодвинули кресла, разлили чай по чашкам. Было уговорено, что Дмитрий, Пуришкевич и Сухотин поднимутся на первый этаж и заведут граммофон, выбирая пластинки с веселыми мотивами.

Когда приготовления были закончены, я надел шубу и нахлобучил до ушей меховую шапку, совершенно скрывавшую мое лицо. Доктор Лазоверт, переодетый шофером, завел мотор, и мы сели в машину, дожидавшуюся во дворе. У Распутина я поднялся по черной лестнице, света не было, мне пришлось пробираться ощупью, я едва отыскал нужную мне дверь и позвонил.

— Кто там?— послышался голос Распутина. Я вздрогнул.

— Григорий Ефимович, это я приехал за вами.

Засов заскрипел. Мне было очень не по себе. Дверь отворилась, и я вошел на кухню. Там было темно, и мне казалось, что кто-то следит за мной из соседней комнаты. Я еще выше поднял воротник и надвинул шапку.

— Чего ты так прячешься?— спросил Распутин.

— Ведь было решено, что никто не должен знать о нашем сегодняшнем выезде.

— Верно, верно. Я никому и не сказал и даже отослал своих шпиков. Ну, надо одеваться.

Я помог ему надеть шубу. Мы вышли на темную лестницу, и Распутин запер за собой дверь.

Я почувствовал, как его пальцы впиваются мне в руку.

— Давай-ка я тебя поведу,—сказал «старец» и повлек меня вниз. Его рука клещами сжимала мою руку, мне хотелось закричать, хотелось поскорее выбраться на свет и не чувствовать больше прикосновения этой страшной руки.

Мы сели в машину и поехали.

Войдя в дом, я услышал голоса друзей и мелодию американской шансонетки.

Распутин насторожился.

— Что тут такое? Пирушка, что ли?— спросил он.

— Нет, у моей жены собралось несколько друзей. Они скоро уйдут. А мы пока что пойдем в столовую и выпьем чаю.

Мы спустились в подвал. Войдя, Распутин скинул шубу и с любопытством оглядел обстановку. Шкафчик с инкрустациями особенно заинтересовал его. Он, как ребенок, забавлялся тем, что выдвигал и задвигал многочисленные ящички.

В эту решительную минуту я сделал последнюю попытку убедить его уехать из Санкт-Петербурга. Отказ решил его судьбу.

Я предложил ему чая и вина и был обескуражен, когда он поначалу от всего отказался. «Может быть, он догадывается?» — подумал я. Но я твердо решил, что он ни при каких обстоятельствах не выйдет отсюда живым.

Мы сели за стол. Завязалась беседа.

— Григорий Ефимович, зачем к вам заезжал Протопопов? Что он, по-прежнему боится заговора?

— Ну конечно! Моя прямота многим не по нутру. Знать, злится и завидует мне... Но я никого не боюсь. Со мной ничего не может случиться. Сколько раз меня пытались убить, но господь всегда разрушал козни нечистого. Несдобровать тому, кто поднимет на меня руку.

Эти речи «старца» злой насмешкой звучали в той комнате, где ему предстояло погибнуть. Меня уже ничто не могло смутить. Пока он разглагольствовал, у меня была одна только мысль: заставить его выпить вина и съесть пирожные.

Наконец Распутин попросил чаю. Я налил чай и придвинул к нему вазу с пирожными, начиненными цианистым калием.

Сначала он отказался:

— Не хочется, они слишком сладкие.

Но затем он все-таки взял одно пирожное, второе... Я с ужасом следил за ним. Действие яда должно было сказаться сразу, а между тем Распутин продолжал разговаривать как ни в чем не бывало.

Я предложил ему отведать нашего крымского вина. Он опять отказался. Время шло, я начал нервничать. Несмотря на его отказ, я наполнил два бокала, но по непонятной мне самому причине не те, где был яд. Распутин выпил с удовольствием.

— Налей мне мадеры,— попросил он. На сей раз я хотел налить в бокал с ядом, но «старец» запротестовал:

— Налей в тот же бокал.

— Нехорошо мешать эти вина.

— Говорю тебе, налей.

В эту минуту я как бы нечаянно уронил тот бокал, из которого он пил раньше, и налил ему мадеры в бокал с цианистым калием.

Я стоял позади него, следил за каждым его движением и ждал, что он вот-вот рухнет наземь.

Но он невозмутимо, мелкими глоточками пил вино, смакуя его, как настоящий знаток, и при этом ничуть не менялся в лице. Только время от времени подносил руку к шее, словно ему трудно глотать. На мой вопрос, что с ним, он ответил:

— Так, что-то в горле першит.

Яд, очевидно, не действовал. Распутин теперь преспокойно расхаживал по комнате.

Тогда я взял второй бокал с ядом, наполнил его вином и протянул Распутину. Тот выпил и его с тем же результатом. На подносе оставался третий и последний бокал.

От отчаяния я и сам принялся пить, чтобы подать ему пример. Так мы молча сидели друг против друга и пили.

Внезапно его лицо исказилось яростью. Ни разу я не видел его таким страшным. Он вперил в меня взгляд, полный сатанинской злобы. В этот миг он был мне так ненавистен, что я готов был голыми руками задушить его. Между нами как будто шла безмолвная, таинственная и беспощадная борьба.

Наконец я овладел собой и предложил ему чаю.

— Налей, у меня сильная жажда,— слабеющим голосом сказал он. Увидев на стуле гитару, он попросил:

— Спой что-нибудь веселенькое, мне нравится, как ты поешь.

Мне нелегко было петь в такую минуту, да еще веселую песню. Однако я взял гитару и запел что-то грустное. Сперва он слушал внимательно, потом опустил голову и как будто задремал. Когда я кончил, он открыл глаза.

— Спой еще, мне нравится такая музыка. Прямо за душу берет.

Время шло. Часы показывали половину третьего. Этот кошмар длился уже два часа.

Наверху явно нервничали и шумели вовсю. Я боялся, как бы мои друзья, потеряв терпение, не ворвались сюда.

— Почему там так топочут?— спросил Распутин.

— Наши гости, должно быть, уходят, пойду посмотрю, что там творится.

Наверху Дмитрий, Пуришкевич и Сухотин с револьверами в руках кинулись мне навстречу.

— Ну как, все кончено?

— Яд не подействовал.

— Но ведь доза была огромная? И он все выпил?

— Все.

Посовещавшись, мы решили спуститься все вместе, наброситься на Распутина и задушить его. Но потом я испугался, что это погубит все предприятие. Распутин поймет, что дело нечисто, а кто знает, на что способен этот дьявол?

Я уговорил остальных, чтобы они предоставили все мне одному, взял у Дмитрия револьвер и спустился в столовую.

Распутин сидел на прежнем месте, склонив голову и тяжело дыша.

— Вам плохо?— спросил я.

— Да, голова тяжелая и в желудке что-то жжет. Налей мне еще рюмочку мадеры.

Выпив, он опять повеселел.

Как его зоркие глаза не видели, что я держу за спиной револьвер, который в любую минуту будет направлен на него?

— Григорий Ефимович,— сказал я,— посмотрите на распятие и помолитесь богу.

Распутин бросил на меня удивленный, почти испуганный взгляд. Он встал, подошел ко мне, глядя прямо мне в лицо.

Я понял, что роковая минута настала.

«Куда целить: в висок или в сердце?» — подумал я.

Содрогаясь всем телом, я протянул руку, прицелился в сердце и спустил курок. Распутин со звериным ревом рухнул на медвежью шкуру.

На выстрел прибежали мои друзья. Впопыхах они задели выключатель, и мы оказались в темноте. Кто-то натолкнулся на меня и вскрикнул. Я не шевелился, боясь наступить на труп. Наконец свет был зажжен.

Распутин лежал на спине. По лицу временами пробегала судорога. Руки были сжаты, глаза закрыты. На шелковой рубахе расплывалось кровавое пятно.

Через несколько минут «старец» перестал шевелиться. Доктор констатировал, что пуля попала в область сердца. Сомнений не было: Распутин мертв. Дмитрий и Пуришкевич перенесли его с ковра на плиты пола. Мы погасили электричество и поднялись наверх, заперев на ключ дверь подвала.

Согласно нашему плану, Дмитрий, Сухотин и доктор сделают вид, будто отвозят Распутина домой. На случай, если тайная полиция все-таки выследила нас, Сухотин будет играть роль «старца», наденет его шубу и шапку и уедет в сопровождении Дмитрия и доктора. Потом они все вернутся на Мойку, заберут труп и отвезут его на Петровский остров.

Мы с Пуришкевичем остались на Мойке.

Вдруг меня охватила непонятная тревога, я бросился вниз.

Распутин лежал на том же месте, где мы его оставили. Я пощупал пульс и не услышал ни малейшего биения. Да, действительно он мертв.

Сам не знаю почему, я вдруг схватил труп обеими руками и встряхнул его. Он наклонился на бок и снова упал. Я уже собрался уйти, но вдруг увидел, что его левое веко чуть подрагивает, затем судорога пробежала по всему лицу, и приоткрылся левый глаз, а за ним и правый. И оба эти змеиные глаза уставились на меня с выражением сатанинской злобы. Я застыл на месте, хотел бежать, но ноги мне не повиновались.

Тут произошло нечто невообразимое. Резким движением Распутин вскочил на ноги. Он был страшен: пена на губах, руки судорожно бьют по воздуху.

И вдруг он накинулся на меня, стараясь схватить меня за горло, точно клещами впиваясь пальцами мне в плечо, и при этом глухим, хриплым голосом непрерывно выкрикивал мое имя. Как описать охвативший меня ужас? Я старался высвободиться из этих тисков. Жестокая борьба завязалась между нами.

Нечеловеческим усилием мне удалось вырваться. Он упал на спину с ужасающим хрипением, сжимая в руке погон, который сорвал с моей тужурки.

Спустя несколько мгновений он опять зашевелился. Я бросился на лестницу и стал звать Пуришкевича.

— Идите скорее, он жив! — кричал я.

В эту минуту я услышал позади какой-то шум и бросился вниз по лестнице. Пуришкевич за мной следом с револьвером в руке.

Ползя на животе и на коленях, хрипя и рыча, как дикий зверь, Распутин быстро взбирался по ступеням. Весь подобравшись, он сделал прыжок и очутился возле потайной двери, ведущей во двор. Зная, что дверь заперта, я остановился на верхней площадке.

Каково же было мое изумление и мой ужас, когда дверь отворилась и Распутин исчез в темноте! Пуришкевич ринулся за ним следом. Во дворе раздалось два выстрела. Мне страшно было подумать, что он улизнет от нас. Я выбежал с парадного крыльца и побежал по Мойке, чтобы перехватить Распутина у ворот на случай, если Пуришкевич промахнулся. Во дворе было трое ворот, из них центральные не были заперты на замок.

Через решетку я увидел, что Распутин направляется именно к ним. Раздался третий, затем четвертый выстрел... Распутин зашатался и упал на снег. К нему подбежал Пуришкевич, постоял несколько мгновений над трупом и, убедившись, что на сей раз все кончено, зашагал к дому.

Я вошел во двор и приблизился к сугробу, за которым лежал Распутин. Он не подавал признаков жизни. В эту минуту я увидел бегущих с одной стороны двух моих слуг, с другой — городового. Всех троих всполошили выстрелы.

Я пошел навстречу городовому и заговорил с ним, встав так, чтобы он оказался спиной к тому месту, где лежал Распутин.

— Ваше сиятельство, здесь кто-то стрелял? — спросил он, узнав меня.

— Пустяки, глупая шутка, у меня сегодня были гости. Один из моих приятелей выпил лишнего и принялся стрелять в воздух. Если тебя спросят, скажи, что ничего особенного не произошло.

Я проводил его до ворот. Потом вернулся к трупу, возле которого стояли мои слуги. Распутин лежал на прежнем месте, но мне показалось, что он переменил положение.

«Боже мой, — подумал я, — неужели он жив?»

В ужасе от одной мысли, что он может встать, я бросился к дому. Пошатываясь, я вбежал к себе в комнату и выпил стакан воды.

Слуга явился сообщить мне, что тело Распутина положили на нижнюю площадку лестницы.

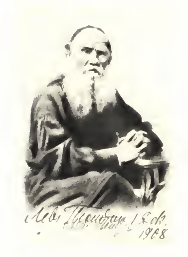
Он лежал на площадке, кровь текла из многочисленных ран. При свете люстры была видна малейшая черточка его искаженного лица.

Мне хотелось закрыть глаза, убежать, чтобы хоть на миг забыть это ужасное зрелище.

Вскоре приехали Дмитрий, Сухотин и доктор Лазоверт, чтобы увезти труп Распутина.

Пуришкевич рассказал им все, что произошло. Они решили пощадить меня и обойтись без моей помощи. Завернув труп в мешковину, они погрузили его в автомобиль и повезли на Петровский остров. Там они швырнули его с моста в реку.

ПИСАТЕЛИ—ДЕТЯМ

У доктора сельскохозяйственных наук Льва Леонидовича Балашева (Москва) хранится открытка — портрет Л. Н. Толстого. Над факсимильной подписью Толстой расписался собственноручно и поставил дату: «1 дек. 1908».

— Этот автограф Толстого я получил, когда мне было четырнадцать лет, — сообщил профессор.

В отделе рукописей Музея Л. Н. Толстого сохранилось следующее письмо Льва Балашева: «Дорогой Лев Николаевич! Пожалуйста, подпишитесь под приложенной к письму карточкой Вашей. Это Вам, конечно, не трудно. Прошу Вас!»

Толстой выполнил просьбу мальчика.

В архиве В. Г. Короленко (Отдел рукописей Ленинской библиотеки) хранится записка, написанная детским почерком: «Писатель Короленко. Мама читала мне Ваш рассказ «В дурном обществе». Мне он очень понравился. Кланяюсь Вам. Девочка 8 лет Силя Русс».

Ответное письмо Короленко нашлось у московского коллекционера Э. Ф. Ципельзона. Короленко отвечал:

«Милая Силя. Я очень рад, что мой рассказ Вам понравился и что Вы мне написали письмо. Желаю Вам всего хорошего. Поклонитесь Вашей маме. Вл. Короленко. 22 мая 1912».

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

Вышли в апреле:

Издательство «Художественная литература»

Великая Отечественная. Том первый.

Подписное издание в двенадцати томах включает повести, рассказы, стихи и публицистические статьи о событиях Великой Отечественной войны. Отобраны произведения военных и послевоенных лет, нашедшие наиболее глубокий отклик в душе читателей. В первом томе — повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен», рассказы А. Н. Толстого, Л. Соболева, В. Катаева, Г. Березко, Г. Николаевой и других советских писателей. В издание включены и те произведения братских литератур Советского Союза, которые в переводах на русский язык получили широкое признание во всех уголках нашей страны.

Выпуск нового подписного издания рассчитан на два года.

•

Данте. Новая жизнь.

К 700-летию со дня рождения Данте Алигьери вышло новое издание его бессмертной книги — проникновенной поэтической исповеди, повествующей о любви поэта и прекрасной Беатриче. В поэзии «Новой жизни» нашли отражение характерные для Данте и его современников мысли о соотношении между личными человеческими чувствами и стремлением к общему нравственному очищению. Юбилейное издание «Новой жизни» иллюстрировано художником В. Фаворским.

•

Роберт Эйдеман. Степной ветер. Повесть и рассказы. Перевод с латышского.

Характеризуя творчество Р. Эйдемана, видный латышский революционер и деятель культуры П. Дауге писал: «Стих Эйдемана — подлинно большевистский стих — такой, какой может написать лишь закаленный в борьбе и труде большевик». Прозу Эйдеман начал писать рано, как и стихи. Главные темы его рассказов и повестей — революция и гражданская война. Пламенный революционер, соратник М. В. Фрунзе, видней-ший командир Красной Армии, Роберт Эйдеман ушел из жизни, когда ему было всего сорок два года. Героическое время, в котором он жил и творил, нашло свое отражение в лучших произведениях писателя, составляющих этот сборник.

•

Себастиан Брант. Корабль дураков. Перевод с немецкого.

Одно из выдающихся произведений мировой сатирической литературы увидело свет в 1494 году в Базеле. Автор этого блестящего памфлета, бичующего глупцов, пошляков, невежд, ханжей и святош, — видный немецкий ученый, юрист и писатель. Популярности книги содействовали великолепные гравюры, автором которых был молодой Альбрехт Дюрер. Гравюры Дюрера сопровождают и это издание книги Себастиана Бранта, впервые переведенной на русский язык.

НОВЫХ СВЕРШЕНИЙ!

Александру Андрееву 50 лет. Даты в документах неопровержимо свидетельствуют об этом, и все-таки в это трудно поверить. Не только потому, что даже внешне — в манере поведения, в общении с друзьями, читателями — он по-настоящему молод. Молодость Андреева прежде всего в свежести его дарования, кипучем общественном темпераменте, тесных связях с жизнью народа.

...1942 год. В редакцию «Комсомольской правды» пришло письмо с фронта. Под ним стояла подпись: «С красноармейским приветом А. Андреев». Письмо было напечатано. С него и началась литературная деятельность Александра Андреева, ставшего вскоре военным корреспондентом «Комсомольской правды».

Фронтовые корреспонденции Андреева писались не в штабах, не во втором эшелоне. Капитан Андреев всегда был на переднем крае. Эту особенность — находиться на переднем крае событий — сохранил и писатель Андреев. Именно в ней заключается секрет популярности его книг. Писательская судьба Александра Андреева сложилась на редкость счастливо. И «Ясные дали», и «Очень хочется жить!», и «Грачи прилетели», и «Рассудите нас, люди!» сразу нашли дорогу к сердцам читателей, выдержали несколько изданий и пользуются постоянным спросом. А пьеса, созданная по острой, ставящей сложные и интересные моральные проблемы повести «Рассудите нас, люди!», обошла десятки театров страны.

Быть может, именно этот успех побудил Александра Андреева вновь обратиться к жанру драматургии. Нет сомнения в том, что его новая пьеса, «От имени любви», которая в дни его юбилея появилась на страницах 5-го номера журнала «Октябрь», привлечет внимание театров.

Новых книг Александру Андрееву, новых пьес, новых свершений!

Юрий ИДАШКИН

В одном из ближайших номеров «Огонек» начинает печатать роман-памфлет с продолжением

«ОБ ЭТОМ ПОМАЛКИВАЮТ»

известного финского писателя Мартти Ларни.

Рисунки Виталия Горяева.

Брумели встречали гостя на Шереметьевском аэродроме.

Идут последние приготовления к тренировке.

Привет, Джон!

Томас в роли парикмахера.

А. КОЛОДНЫЙ, А. БОЧИНИН

Мы не будем представлять наших героев. В этом нет никакой надобности. Кто не знает Джона Томаса и Валерия Брумеля? Вот уже пятый год на радость любителям спорта они выясняют свои отношения где-то на высоте более 220 сантиметров. Глядя на их захватывающие поединки, каждый раз думаешь невольно о том, до чего же устарела поговорка: выше головы не прыгнешь!

Да, мы привыкли видеть Томаса и Брумеля в боевых доспехах — майках и шиповках — в секторе для прыжков в высоту. Здесь они соперники, ярые конкуренты. Так их и числят почитатели «Королевы спорта». И, пожалуй, мало кто знает, что, надев костюм и галстук, эти два покорителя высоты становятся самыми настоящими друзьями.

Дружба эта особая, беспокойная. Ведь успех одного обязательно приносит огорчение другому. Но каждый из них умеет радоваться не только своим удачам, и потому соперники остаются друзьями. Нам довелось убедиться в этом, проведя со спортсменами три дня.

«Бостонский кузнечик» приземлился в Шереметьевском аэропорту. Джон Томас приехал не на соревнования, как это бывало раньше. Он прибыл в гости к своему «сопернику номер 1», чтобы вместе с ним принять участие в съемках фильма о советском спорте, который ведет американская телевизионная компания «Нейшнл бродкастинг систем» при содействии агентства печати «Новости».

Был поздний вечер, но друзья не спешили расставаться. У Томаса за эти месяцы было много затруднений. Вернувшись из Токио, он узнал, что потерял работу, так как хозяина не устраивали его частые разъезды. К тому же пришлось лечь на операцию аппендицита. Эти заботы отодвинули спорт на второй план. Сейчас, правда, Томас нашел более или менее постоянную работу в комиссии по трудоустройству подростков. Кроме того, он ассистирует хирургу во время операций: на это ему дает право диплом об окончании физиотерапевтического отделения Бостонского университета. Лишь разрешив все эти проблемы, экс-рекордсмен мира смог приступить к тренировкам.

Разговор, начатый на аэродроме, продолжался в гостинице. И неизвестно, когда бы он завершился, если бы не частые напоминания жены Брумеля Марины о том, что пора дать гостю возможность отдохнуть с дороги и что завтра предстоит много дел.

А дел действительно предстояло немало. С утра они отправились на дачу, где Томас встретился с тренером своего соперника Владимиром Дьячковым и с друзьями Брумеля по спортивной команде. Они вспоминали Токио, говорили о Мексике. Потом наступило обеденное время. Все принялись хлопотать вокруг стола, и тут выяснилось, что Валерий не все знает о своем друге. Оказывается, Томас любит стряпать и проявляет в этом деле немалые способности. Такое довольно редкое для мужчины увлечение сам Джон объясняет тем, что он пока холост. Его успехи в поварском искусстве оценивает лишь любимая обезьянка по имени Пигби.

За обедом друзья договорились провести совместную тренировку. Она состоялась на следующий день на стадионе Государственного центрального института физкультуры. Томаса особенно интересовала методика тренировок Валерия, и он получил самые исчерпывающие сведения по этому вопросу.

Прямо со стадиона легкоатлеты отправились домой к рекордсмену мира. За чашкой кофе они говорили о любимом спорте и о перспективах в прыжках в высоту. Валерий достает альбом, снимки которого зафиксировали все их предыдущие поединки. Счет встреч на высшем уровне пока 10 : 1 в пользу Брумеля. Но гость нисколько не обижен на хозяина дома.

Ход беседы прерывается появлением самого младшего представителя семейства Брумеля — полуторагодовалого Александра. Папа знакомит сына с гостем, и между ними завязывается оживленный разговор. Переводит Брумель-старший.

Знакомство с Брумелем-младшим кончилось тем, что Томас попросил разрешения подстричь ребенка. Мало кто из присутствующих верил в успех этой операции, но Джон оказался заправским парикмахером.

Друзья прощались, чтобы снова встретиться в конце июля. Ведь на сей раз матч легкоатлетов СССР и США состоится в Советском Союзе.

Забавные мелочи

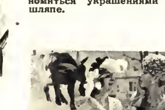

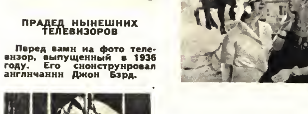
ПРАДЕД НЫНЕШНИХ ТЕЛЕВИЗОРОВ

Перед вами на фото телевизор, выпущенный в 1936 году. Его сконструировал англичанин Джон Бэрд.

СЪЕДОБНАЯ ШЛЯПА

Появление двух девушек-манекенщиц в зоопарке города Франкфурта-на-Майне (ФРГ) больше всего привело в восторг козочку. Воодушевленная видом новых моделей, она принялась лакомиться украшениями на шляпе.

МАЛЕНЬКИЙ ГАРГАНТЮА

На юге Италии, в городе Бари, появился на свет новорожденный рекордсмен. Младший, четвертый по счету сын в семье рабочего Дженнаро Зотти весит 8 килограммов 750 граммов. Малыш здоров и развивается нормально.

ДОБРОДУШНЫЙ ЦАРЬ ЗВЕРЕЙ

В клетку льва Негуса, популярного обитателя зоопарка в городе Маастрихте (Нидерланды), посадили четырех молодых бульдогов. Негус быстро привык к новоселам и не стал замечать их проказы. Сторожа зоопарка теперь, входя в клетку, боятся не царя зверей, а четырех озорников.

МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ

Французский пианист Мишель Бриге решил приблизить музыку к тем, кто не имеет возможности посещать концерты. Он установил рояль на прицепе своей машины и отправился в турне по Франции.

ВАМ, ЗНАТОКИ!

ФУТБОЛЬНЫЙ КОНКУРС

Перед вами четыре популярные футбольные команды. Спортивная биография каждой имеет немало славных страниц, многие футболисты, изображенные на снимках, вошли в историю советского футбола.

Назовите год, когда была сделана каждая фотография, составы команд и их место в турнирной таблице.

Пятеро читателей, приславших наиболее правильные ответы, будут премированы футбольными мячами с автографами игроков сборной СССР по футболу.

Последний срок отправки ответов в редакцию — 15 июля 1965 года.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Безлистное среднеазиатское дерево. 8. Спортивная лодка. 9. Спутник планеты Сатурн. 11. Итальянский композитор. 12. Степная лисица. 13. Вступительная часть литературного произведения. 15. Столица Нигерии. 18. Балет С. Прокофьева. 20. Серебристый металл. 22. Прибор для повышения или понижения напряжения электрического тока. 25. Виртуозная музыкальная пьеса. 27. Пункт остановки транспорта. 28. Цветок. 29. Потолок, украшенный живописью или лепной. 30. Летательный аппарат. 31. Электронная лампа. 33. Газ. 34. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 35. Вид внешней торговли.

По вертикали:

1. Русский поэт XIX века. 2. Пьеса М. Горького. 4. Космодром в СССР. 5. Сорт хрусталя. 8. Вершина Кавказа. 7. Предприятие общественного питания. 10. Раздел математики. 14. Игра-пляска с песнями. 15. Словарный состав языка. 16. Приток Урала. 17. Помещение для подопытных животных. 19. Плато в Югославии. 21. Сорт яблок. 23. Стихотворение Н. А. Некрасова. 24. Высшее учебное заведение. 26. Дневная бабочка. 27. Площадка для постройки судов. 31. Картина В. Г. Перова. 32. Французский философ XVII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

7. Петрарка. 8. Минданао. 9. Осип. 10. Трек. 11. Менделеев. 13. Порог. 15. Карат. 17. Рогач. 19. Станиславский. 20. Клише. 22. Конос. 24. Шпага. 26. Амальгама. 27. Опыт. 29. Плед. 30. Котлован. 31. Ангстрем.

По вертикали:

1. «Детство». 2. Трап. 3. Скорняк. 4. Чимкент. 5. Кант. 6. Капелла. 11. Магдалена. 12. Варакушка. 14. Росси. 16. Ролик. 18. Гайка. 21. Лампион. 22. Квадрат. 23. Стакана. 25. Гобелен. 28. Толь. 29. Поти.

●

На первой странице обложки: В солнечный день.
Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Куба. 1. Сахарный тростник — богатство страны. 2. Туристский центр, построенный после революции.
Фото Б. Буркова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Н. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-81; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-48-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-38-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02005. Подписано к печати 26/V 1965 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 8,85 печ. л.
Заказ № 1309. Тираж 1 960 000. Изд. № 803.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЧАСТЛИВЫХ

Римма ЛИХАЧ

В комнате невест.

Новая семья.

Здесь только счастливые. Они молоды, красивы и торжественны. Здесь Дворец бракосочетания.

У майских свадеб этого года есть одна особенность. Их справляют молодежь рождения 41, 42, 43 годов. Я видела много счастливых матерей, украдкой смахивающих слезу: нет отца сегодня. Погиб солдат, отстаивая и этот день в жизни своего сына. И вот сегодня его сын, его ровесник счастлив.

Женихи ходят по дворцу в окружении товарищей, одетых тоже в белоснежные рубашки и черные костюмы. И все-таки жениха отличишь сразу. У него немного изумленный и сияющий вид — он без пяти минут муж, глава семьи. И уже семейные заботы: оформить документы, заказать шампанское, купить цветы.

Но вот просят: «Борис Петрович, пригласите вашу невесту на торжественное заключение брака». Но Борис Петрович не сразу понимает — он же Боря! Веселая суматоха. Наконец торжественная притихшая процессия двигается в зал. На мгновение водворяется в комнатах тишина. Но опять раскрылась парадная дверь, подъехала еще свадьба. И снова смех, молодость, звонкое счастье. Тысяча свадеб в мае, две тысячи счастливых, рождения суровых годов минувшей войны.

